

ду и существенное различие между Кантом, провозгласившим бога постулатом «практического разума», морального сознания, и Фейербахом, пришедшим к отрицанию бога, к выводу о том, что судьба человека зависит «не от существа, вне его или над ним стоящего, а от него самого»²⁵.

¹ Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 1, С. 623. Перевод отдельных цитат из этого издания уточнен нами по немецкому оригиналу: Feuerbach L. Gesammelte Werke. Berlin, 1981—1982.

² Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass. Leipzig, 1874. Bd. 2.

³ Там же. С. 452.

⁴ Там же. С. 474.

⁵ Там же. С. 480.

⁶ Там же. С. 484.

⁷ Там же. С. 481.

⁸ Там же. С. 578.

⁹ Там же. С. 465.

¹⁰ Там же. С. 466.

¹¹ Там же. С. 469.

¹² Там же. Т. 2. С. 547.

¹³ Там же. Т. 1. С. 470.

¹⁴ Там же. С. 470—471.

¹⁵ Там же. С. 635.

¹⁶ Там же. С. 471.

¹⁷ Там же. С. 630.

¹⁸ Мы не касаемся здесь недостатков фейербаховской теории морали, выявленных столь ярко Ф. Энгельсом в его известной работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

¹⁹ Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 32.

²⁰ См. об этом подробнее в работе О. Г. Дробницкого «Теоретические основы этики Канта» (см.: Философия Канта и современность. М., 1974).

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 21. С. 299.

²² Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 640.

²³ Там же. Т. 2. С. 809.

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Т. 21. С. 298; Т. 3. С. 41.

²⁵ Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 810.

ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ В «КРИТИКЕ ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА»

Л. Н. Столович

(Тартуский государственный университет)

Есть два чуда, мой друг:

Это нравственный стержень и звездное небо,
по Канту.

Средь смертей и разлук

Мы проносим в стихи неприметно их, как
контрабанду

Под шумок, подавляя испуг.

Александр Кушнер

Заглавие предлагаемой вниманию читателей статьи может первоначально вызвать недоумение: ведь «Критика практиче-

ского разума», как общеизвестно, посвящена проблемам не эстетики, а этики! Помимо этого, автор «Критики способности суждения», определяя специфику эстетического суждения, строго отличает его от нравственного отношения. Все это безусловно. Но обращение к тексту второй «Критики» показывает логику перехода к третьей «Критике», движение кантовской мысли от этики к эстетике показывает единство этического и эстетического в учении Канта. Представляется неслучайным то, что Кант начал работать над «Критикой способности суждения» еще до выхода в свет «Критики практического разума»¹.

Проблемами эстетики мыслитель начал заниматься, по существу, еще в докритический период и не прекращал интересоваться ими вплоть до «Критики способности суждения»². Но термин «эстетика» употреблялся им не в собственно эстетическом смысле, как в последней «Критике». В «Критике чистого разума» Кант определяет эстетику как «науку о правилах чувственности вообще» (3, 155), а термин «эстетика» считает возможным употреблять «отчасти в трансцендентальном смысле, отчасти в психологическом значении» (3, 129). Свой отказ именовать «критику вкуса» эстетикой, как это делал Баумгартен, Кант аргументировал тем, что правила вкуса «имеют своим главным источником только эмпирический характер и, следовательно, никогда не могут служить для установления определенных априорных законов, с которыми должны были бы согласовываться наши суждения, касающиеся вкуса...» (3, 128). В. Ф. Асмус показал, что существует различие в понимании термина «эстетика» в первом (1781 г.) и во втором (1786 г.) изданиях «Критики чистого разума»: во втором издании формулировки несколько смягчены, что свидетельствует о переменах во взглядах Канта по этому вопросу³. Об этих переменах свидетельствует и «Критика практического разума».

Кант следующим образом сопоставляет употребление термина «эстетика» в «Критике чистого разума» и в «Критике практического разума»: «Аналитика теоретического чистого разума делилась на трансцендентальную эстетику и трансцендентальную логику, а аналитика практического, наоборот, на логику и эстетику чистого практического разума (если мне позволено употреблять здесь эти вообще-то не очень точные названия только ради аналогии)» (4(1), 417). Оговорка в скобках уже показывает начало нового понимания эстетики. И далее: «Там из-за двоякого вида чувственного созерцания эстетика делилась на две части; здесь чувственность рассматривается вовсе не как способность созерцания, а только как чувство (которое может быть субъективной основой желания)...» (4(1), 418). О становлении нового смысла «эстетического» говорит и такое высказывание опять-таки с характерной оговоркой в скобках: «Эстетическая удовлетворенность (так она называется не в собственном смысле слова), которая основывается на удовлетворении склон-

ностей, какими бы тонкими их ни изображали, никогда не может быть адекватна тому, что об этом думают» (4(1), 450).

В «Критике практического разума» эстетическое противопоставляется логическому, когда сравниваются воззрения школ эпикурейцев и стоиков: «первая полагала свой принцип в эстетической плоскости, а другая — в логической» (4(1), 443). Но эстетическое здесь еще — эмпирически чувственное, чувственная потребность и как таковое противопоставлено моральному отношению даже в его эмоциональном проявлении. Моральное основание поступка как «определение воли одним лишь разумом» «есть основание чувства удовольствия и остается чистым практическим, а не эстетическим определением способности желания» (4(1), 448). Удовольствие или наслаждение счастьем, если бы оно было, по Канту, чувством, положенным разуму в основу, «всегда было бы эстетическим и патологическим» (4(1), 449). При этом патологическим в отношении морали, с точки зрения Канта, является чувственный принцип счастья, управляющий интересом склонностей (см. 4(1), 453).

Во второй «Критике» проблемам чувственного мироотношения, чувственным склонностям, чувствам удовольствия и неудовольствия уделяется немалое внимание, поскольку ее автор неутомимо подчеркивает, что «суть всякого определения воли нравственным законом состоит в том, что она как свободная воля определяется только законом, стало быть, не только без участия чувственных побуждений, но даже с отказом от всяких таких побуждений и с обузданием всех склонностей, поскольку они могли бы идти вразрез с этим законом» (4(1), 397). Для Канта чувства удовольствия и неудовольствия — психологические явления, вызываемые действительными предметами, но он считает, что «а priori нельзя усмотреть, какое представление будет сопровождаться *удовольствием*, а какое — *неудовольствием*» (4(1), 380). Поэтому-то в это время Кант полагал, что критическая оценка прекрасного не может быть подведена под принципы разума и правила этой оценки не могут быть возвышены до степени науки. Но, как отмечал он еще в «Основах метафизики нравственности», вышедших в 1785 г., в практической, т. е. нравственной, философии «нам не нужно исследовать, на каком основании что-то нравится или не нравится» (4(1), 267).

Однако именно практическая философия приводит Канта к осознанию важности эстетической сферы, не совпадающей с эмпирической чувственностью. В «Критике практического разума» как «нечто в высшей степени возвышенное в человеческой природе» называется иллюзия, «будто субъективное в этой интеллектуальной определяемости воли есть нечто эстетическое и действие особенного чувственно воспринимаемого чувства (ведь интеллектуальное чувство было бы противоречием)» (4(1), 449). Но Кант как раз здесь и обнаруживает это противоречие «ин-

теллеktуальное чувство» — моральное чувство. Чувство это «вторично». Оно вызывается не эмпирической действительностью, а разумом, сопряженным с нравственным законом, с доброй свободной волей. Речь идет о чувстве уважения к моральному закону (см. 4(1), 400), о чувстве долга (см. 4(1), 408). Чувство в сфере нравственности — положительное чувство «не эмпирического происхождения и познается a priori. Следовательно, уважение к моральному закону есть чувство, которое возникает на интеллектуальной основе; это чувство есть единственное, которое мы познаем совершенно a priori и необходимость которого мы может усмотреть» (4(1), 398). Ведь Кант и называет *эстетикой чистого практического разума* раздел о моральном чувстве, т. е. «об отношении чистого практического разума к чувственности и его необходимом, a priori познаваемом влиянии на чувственность» (4(1), 417). И эта эстетика чистого практического разума, как мы полагаем, и является ключом к *собственно эстетике*, разработанной в «Критике способности суждения».

В «Критике практического разума» мы находим целый ряд мыслей и идей, которые были впоследствии включены в эстетическую теорию Канта. Здесь определен был исток, благодаря которому созерцающий природу начинает любить предметы, которые «сначала были противны его чувствам» — «великую целесообразность в их организации» (4(1), 497), дающую пищу человеческому разуму.

Этические труды философа показывают, что важным связующим звеном между этикой и эстетикой Канта является категория возвышенного. Эта категория, впервые рассмотренная им еще в сочинении «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764 г.) и обстоятельно проанализированная затем в «Критике способности суждения», очень часто используется для характеристики, прежде всего, различных выражений нравственности. В «Основах метафизики нравственности» Кант подчеркивает «возвышенный характер и внутреннее достоинство веления долга» (4(1), 266). Он пишет, что «независимость максимы от всех подобных мотивов придает ей возвышенный характер» (4(1), 282). По его словам, «в личности нет, правда, ничего возвышенного, поскольку она *подчинена* моральному закону, но в ней есть нечто возвышенное, поскольку она *устанавливает* этот закон и только потому ему подчиняется» (4(1), 283). Подлинная нравственность носит «возвышенный характер» (4(1), 285).

В «Критике практического разума» утверждается, что «понятие свободы — это камень преткновения для всех эмпириков и в то же время ключ к самым возвышенным практическим основоположениям для критических моралистов» (4(1), 318). Здесь же мы читаем о чистоте и возвышенном характере морального закона (см. 4(1), 395), о его «торжественном величии» (4(1),

403), о том, что «нельзя не налюбоваться великолепием этого закона, и сама душа, кажется, возвышается в той мере, в какой она считает святой закон возвышающимся над ней и ее несовершенной природой» (4(1), 403). Кант пишет о возвышенности поступков и деяний, поскольку источником их является долг (см. 4(1), 411—412). А сам долг удостаивается такого возвеличивания: «*Долг! Ты возвышенное, великое слово...*» (4(1), 413). Моральный закон «позволяет нам ощущать возвышенный характер нашего собственного сверхчувственного существования» (4(1), 415). Величие выражает могущество, и поэтому Кант говорит о величии мира и мироправителя (см. 4(1), 474; 4(1), 484). Но бог и вечность обладают *грозным величием* (см. 4(1), 483).

Сама «идея личности» показывает нам «возвышенный характер нашей природы» (4(1), 414). Вспомним, что по формуле великого гуманиста «только человек... есть *цель сама по себе*» (там же) — такое понимание возвышенности человеческой личности было теоретически плодотворным и исторически перспективным. В экономических рукописях 1857—1859 годов К. Маркс отмечает, что «древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, богатство как цель производства». Буржуазную экономику К. Маркс характеризует «как принесение самоцели в жертву некоторой совершенно внешней цели». «Поэтому младенческий мир представляется... чем-то более возвышенным, нежели современный»⁴.

Хотя понятие возвышенного применяется в этических трудах Канта главным образом для характеристики нравственности, и ее истоков и проявлений, есть все основания предполагать, что само это понятие выступает как эстетическое (в смысле третьей «Критики»). Несомненно, эстетической является характеристика доброй воли в «Основах метафизики нравственности», которая сравнивается в своем сверкании с драгоценным камнем «как нечто такое, что имеет в самом себе свою полную ценность» (4(1), 229). Эстетическое восхищение выражено и в знаменитом афоризме: «*Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне*» (4(1), 499). Здесь внешний мир и мир внутренний выступают в своей бесконечности и возвышенности, хотя и по-разному (см. 4(1), 500).

В возвышенном Кант выявляет единство этического и эстетического, которое подчеркивается и разрабатывается в его эстетическом учении⁵. Вместе с тем нравственное отношение и отношение эстетическое Кант не считает равнозначными. Это

связано и с тем, что в первоначальных этических трудах он еще недооценивает собственно эстетическое и только подходит к пониманию его основы, и с тем, что оба отношения обладают своей спецификой.

В «Основах метафизики нравственности» содержится показательная в этом плане, как бы мы сейчас сказали, классификация ценностей, или, по Канту, цен, т. е. относительных ценностей. «В царстве целей» (4(1), 276) существуют следующие «цены»: *рыночная цена* — «то, что имеет отношение к общим человеческим склонностям и потребностям», — и *определяемая аффектом цена* (Affectionspreis) — «то, что и без наличия потребности соответствует определенному вкусу, т. е. удовольствию от одной лишь бесцельной игры наших духовных сил». Кроме этих относительных ценностей, или цен, существует *достоинство* — «внутренняя ценность». «Рыночная цена» по современной терминологии относится к материально-практической ценности («Умение (Geschicklichkeit) и прилежание в труде»). «Достоинство» — нравственная ценность. «Цена» же, определяемая аффектом, — то, что можно назвать теперь эстетической ценностью, ибо она есть объект эстетического вкуса. К ней Кант относит «остроумие, живое воображение и веселость» (4(1), 277).

Как мы видим, мыслитель здесь дает определение вкуса, близкое тому, что будет анализироваться в «Критике способности суждения». Но он еще не нашел его априорного основания, и потому Affectionspreis имеет только относительную ценность, в отличие от достоинства как нравственной ценности. Но Кант идет к поиску фундамента эстетической способности суждения. Уже в «Основах метафизики нравственности» он пишет, что моральное чувство непосредственно выражает уважение к добродетели «и не говорит ей как бы прямо в лицо, что нас к ней привязывает не красота, а только выгода» (4(1), 286). Понятие «красота» появляется неслучайно. Тут же Кант определяет ее как *прекрасный* «идеал всеобщего царства *целей самих по себе* (разумных существ), к которому мы можем принадлежать в качестве членов только тогда, когда точно руководствуемся в своем поведении максимами свободы, как если бы они были законами природы...» (4(1), 309). Здесь начало мыслей о том, что прекрасное связано со свободой и целесообразностью, объединяет «мир природы» и «мир свободы».

В конце «Критики практического разума» ее автор приходит к пониманию эстетической способности суждения, от которой он затем непосредственно перейдет к «Критике способности суждения»: «...такая деятельность способности суждения, которая дает нам чувствовать наши собственные познавательные способности, не есть еще интерес к самим поступкам и их моральности. Она приводит только к тому, что начинают охотно заниматься подобными суждениями, и придает добродетели или образу мыслей

по моральным законам ту форму красоты, которой восхищаются, но которой поэтому еще не ищут» (4(1), 497—498). И далее: «Подобно тому как все, рассмотрение чего субъективно вызывает в нас сознание гармонии всех наших способностей представления и при чем мы чувствуем, что вся наша познавательная способность (рассудок и воображение) становится сильнее, возбуждает чувство удовлетворения, которое может быть сообщено и другим, хотя при этом мы остаемся равнодушными к существованию объекта, так как рассматриваем его только как повод к тому, чтобы заметить у себя задатки талантов, возвышающих нас над животными» (4(1), 498).

Эти-то особенности эстетической способности суждения, придающей «добродетели или образу мыслей по моральным законам ту форму красоты, которой восхищаются», делают ее, по Канту, действенным фактором нравственного воспитания, ибо то, что является «игрой способности суждения», оставляет «длительный след глубокого уважения к одним поступкам и отвращения к другим» (4(1), 491). Более того, «закон нравственности и образ святости и добродетели» могут оказывать влияние на нашу душу», лишь поскольку они как мотивы принимаются близко к сердцу» (4(1), 493).

Это не означает, что философ одобряет эмоционально-чувственное воздействие любого художественного произведения. Его критическое отношение вызывает «сочинители романов и сентиментальные наставники» за распространение «этического фанатизма», который Кант называет «пошлым и томным», мешающим уважению к «моральному закону» (см. 4(1), 413, 411). «Наши сентиментальные сочинения» утруждают молодежь «примерами так называемых *благородных* (сверхдобродетельных) поступков», а пустые желания и тоска «по недостижимому совершенству» порождают таких «героев романов», которые, «хвастаясь своим чувством чрезмерно великого, освобождают себя от исполнения обыденной и обиходной обязанности, которая в таком случае кажется им ничтожно малой» (4(1), 491). Его неприятие вызывает современное ему сентиментальное поветрие, «когда нежными и мягкими чувствами или высокопарными и раздутыми претензиями, скорее расслабляющими, чем укрепляющими сердце, надеются сделать для души больше, чем скучным и серьезным представлением о долге» (4(1), 494).

Кант убежден в воспитательно-нравственном значении искусства, воплощающего его моральную концепцию. В качестве примера он ссылается на стихи Ювенала, в которых читателю дается возможность «живо почувствовать силу мотивов, заключающихся в чистом законе долга как долга» (4(1), 496). Искусство, таким образом, способно «превратить оценку по моральным законам в естественное занятие» (там же).

Но если в этике Канта начала складываться его эстетика, то в своей эстетике он не забывает об этике. Уже в так называемом

«Первом введении в критику способности суждения», которое философ начал писать в 1789 г., вслед за выходом «Критики практического разума», способность суждения и искусство, с одной стороны, и нравственность — с другой, были разведены по разным этапам сложившейся системы критической философии (см. 5, 153). В самой же «Критике способности суждения» проводится четкое различие между эстетическим суждением и нравственностью по самой их структуре (см. 5, 376). Но здесь же Кант утверждает: «Прекрасное есть символ нравственно доброго» (5, 375), а также то, что «вкус делает возможным как бы переход от чувственного возбуждения к ставшему привычным моральному интересу, без какого-либо насильственного скачка...» (5, 377). Ведь и нравственность, и прекрасное причастны, хотя и по-разному, к целесообразности и свободе. В возвышенном, как уже отмечалось, связь эстетического с этическим очевидна.

Уже в «Критике практического разума» идут поиски связи между «миром природы» и «миром свободы», гармонию между которыми не дает теоретический разум (см. 4(1), 480—481). Эту связь Кант обнаруживает в своей эстетике, которая логически в его системе предшествует этике, а исторически, как мы стремились показать, надстраивается над ней.

¹ В письме Карлу Леонарду Рейнгольду от 28—31 декабря 1787 г. Кант пишет о посылке ему «Критики практического разума» и в то же время сообщает о своей работе над «Критикой вкуса», в которой он открыл новый род принципа а priori — принцип, лежащий в основе чувства удовольствия и неудовольствия (см.: Kant Immanuel. Briefwechsel. Felix Meiner Verlag. Hamburg, 1972, S. 335).

² См.: Столович Л. Н. Место «Тартуской рукописи» Канта в его эстетическом учении // Философские науки. 1986. № 1.

³ См.: Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века. М., 1962. С. 166—168.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

⁵ «Возвышенное, первоначально рассматриваемое Кантом в узких, чисто количественных рамках, пройдя через купель нравственности, обретает для человека безграничные духовные потенции. Наличие морального закона в каждом из нас создает условия общего для людей наслаждения возвышенным» (Гулыга А. Кант. М., 1981. С. 189).

ИММАНУИЛ КАНТ И НЕМЕЦКАЯ НАУКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (Г. Ф. МАРТЕНС И И. Я. МОЗЕР)

Ю. Я. Баскин
(Ленинградская высшая партийная школа)

Вторая половина XVIII века — один из наиболее ярких периодов в духовной жизни Германии — оказалась вместе с тем и временем формирования здесь науки международного права как самостоятельной области юридического знания. Именно в эти десятилетия наиболее активно развивается процесс ее от-